

УДК 81(091)

О ЯЗЫКЕ САКО-СКИФОВ*

Об агрессивной сущности и научной несостоятельности так называемой «теории» об иранизме сако-скифов*Джавад Алмаз*

Вырванные из скифских имен отдельные звукосочетания, послужившие основанием выдвинуть гипотезу об иранском характере скифского языка, при близком и более пристальном рассмотрении тают, исчезают, как снег под жаркими лучами солнца, и вместе с их исчезновением не остается даже следа от того единственного «основания», на котором держалась в последнее время ветхая лачуга теории иранства скифов и за которое, как за спасательный круг, цепляются ее сторонники.

Что касается скифских слов I группы, которые не поддаются иранскому объяснению, то иранисты-скифологи объявили, что они ошибочны, что в передаче этих скифских слов античные авторы якобы допустили ошибку. Под предлогом их «исправления» слова I группы искажались на иранский лад. При этом «ошибочно переданными» оказались из I группы все те слова, которые пытались объяснить из иранских языков. Можно подумать, что античные авторы, в том числе и Геродот, умышленно ошибались в передаче только тех слов, которым нельзя приписывать никакой иранской этимологии без предварительного искажения их на иранский лад. Но и искаженные подобным образом скифские слова I группы не получают

удовлетворительного объяснения из иранских языков.

Выступая против фальсификации иранистами-скифологами античного наследия, акад. Н.Я. Марр писал: «Язык скифов... иранский во что бы то ни стало, даже тогда, когда скифский материал абсолютно не поддается иранскому толкованию. Один из ярких случаев такого беззаветного поборничества идеи иранизма скифов, вопреки всем стихиям, это отношение к Геродоту и сообщаемому им материалу скифского языка. Материал, сообщаемый Геродотом, в целом не поддается толкованию средствами иранских языков, следовательно... следовательно, как вы думаете, заключают поборники иранизма? Следовательно, заключают они, данные Геродота неверны и неточны, даже измышлены» (37, 191).

Далее Н.Я. Марр указал, что искажение скифских слов на иранский лад понадобилось немецким ученым только «потому, что иначе по-ирански нельзя толковать. Если нельзя толковать иначе, то, по-нашему, значит: скифский – не иранский; и, во всяком случае, Геродоту нельзя подсовывать чтений, которых ни он, ни кто другой не дает, кроме самого толкователя-ираниста, сочиняющего ничем реально не оправдываемый иранизм скиф-

* Статья публикуется с сокращениями. – Ред.

Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2015. – № 2.

ского языка...» (37, 192). «И нет, и не было никакого основания исказить чтение Геродота и его показания в угоду предвзятому построению об искомом иранизме скифов...» (37, 218).

Внимательное изучение скифских слов I группы показало, что акад. Н.Я. Марр был абсолютно прав, что никаких ошибок в их передаче античные авторы в данном случае не допускали; при этом они были настолько точными, что [давали] разные формы одних и тех же скифских слов, [дополняя] их диалектными вариантами. Например, ойор-пата (у Геродота) и ор-мата (у Гесихия).

Исключительно верные мысли Н.Я. Марра, приведенные выше, кое-кто не прочь заслонить, ткнув пальцем на его ошибки, вскрытые в ходе дискуссий 1950 г. Ошибки у Н.Я. Марра были, но, во-первых, к их числу не относится его антииранизм в скифском вопросе; во-вторых, ошибки Марра носили характер заблуждений доброверного, вполне объективного ученого, ищущего, горящего желанием установить научную истину, а не были умышленными, как у немецких иранистов-скифологов. И наследие Марра не состоит из сплошных ошибок, а потому оно подлежит критическому освоению. Более того, у Н.Я. Марра есть чему учиться. В частности, можно смело утверждать, что академик Марр был более близок к решению проблемы скифского языка, чем немецкие ученые, которые в данном вопросе двигались в противоположном направлении, сознательно удаляясь от истины. [...]

Путем насилия над языковыми фактами сако-скифы были объявлены ираноязычными арийцами [...] и на этом основании возникает для немцев возможность оспаривать свое ложное генетическое родство с сако-скифами и объявить себя «законными наследниками» сако-скифской культуры и территории.

[...] С этой же целью немцы еще раньше и не раз пытались объявить древнегерманскими скифский язык и скифскую культуру прямо, непосредственно, без промежуточного звена в лице иранцев-арийцев. [...] данный вопрос имеет почти трехсотлетнюю историю и, если немножко ее не коснуться, не совсем будет ясно, почему немецкие ученые, отказавшись от германизма скифов, начали ратовать за их иранство.

* * *

Принято считать, что в XVIII в. в Германии параллельно возникло две, исключаящих якобы друг друга, теории, т.к. одна из них проповедовала германское происхождение скифов, а другая считала их иранцами. В действительности же обе эти теории правильнее было бы рассматривать как два варианта одной и той же теории, не исключаящие, а заменяющие друг друга. Оба ее варианта объявляют сако-скифов арийцами, которые связываются с немцами по одному варианту через германцев, а по другому – через иранцев. [...]

Проповедуя германизм скифов, немецкие ученые (З. Байер, Ф. Миллер, Щумахер, Таубер, А. Шлёцер и другие) пытались во что бы то ни стало «оторвать скифов от славян – такова была явная тенденция большинства немецких ученых XVIII в.» (45, 22). [...] Вот почему А. Шлёцер, (тот самый Шлётцер, которого М. Ломоносов считал способным на «глупые пакости»), не просто доказывал, а в ультимативной форме требовал, чтобы «наконец, и прежде всего, должны русские отстать от скифов и сармат» (45, 28, прим.2, там же указан источник).

Защищая теорию о германизме скифов, немецкие ученые пытались таким образом сходу брать быка за рога. Однако им не за что было ухватиться:

у скифского быка рогов не оказалось. Он был безрогий и в буквальном, в переносном смысле. [...] В упорной и ожесточенной борьбе русские ученые отстаивали научную истину. Дело в том, что в поддержку теории о германизме скифов немецкие ученые не могли привести никаких доказательств, кроме сопоставления нескольких сходно звучащих этнонимов, вроде свевышведы¹, но В.И.Татищев указал, что такие объяснения не научны и не убедительны, ибо «можно погрешить», когда вся сила догадки в одном сходстве имени состоит» (53, 264).

Основательно отвергнув лженаучный метод, при помощи которого шведские и немецкие ученые доказывали германизм скифов, В.И. Радищев (1686–1750) писал: «мужи оные... писали то, чему сами не верили» (53, 266). Точнее, пожалуй, и нельзя было сказать. М.В. Ломоносов (1711–1765) справедливо обвинил немецких ученых в умышленном искажении русской истории и с полным основанием считал, что среди «древних родоначальников нынешнего русского народа... скифы не последнюю часть составляют» (35, 279).

Агрессивная сущность теории о германизме скифов была разоблачена только в 30 г.г. XX века (с опозданием почти на двести лет!) советским ученым Семеновым-Зусером, который писал, что эта теория была придумана с явным намерением «теоретически оправдать якобы законные притязания шведов и немцев на земли русские» (45, 19).

Но и без этого разоблачения немецкие ученые в XVIII в. убедились в том, что теории о германизме скифов пришел конец, а потому не было смысла за нее ратовать, тем более что в запасе был пока еще не разоблаченный ее вариант – об иранизме скифов. И этот второй вариант оказался более гибким и выигранным, чем первый. [...]

* * *

Для защиты ложного мнения об иранизме скифов немецкими учеными был разработан глубоко продуманный комплекс приемов научной работы. Вот некоторые из них:

Было привлечено довольно большое количество солидных специалистов – иранистов, в трудах которых повторяются почти одни и те же сако-скифские имена (II гр.) с той лишь разницей, что каждый ученый для их объяснения предлагает другие, с его точки зрения, «более подходящие» индоиранские слова, чем предложенные до этого его предшественниками. При этом у всех иранистов неизменным остается метод лженаучной этимологии.

В таких манипуляциях есть своя логика: создается ложное впечатление, что вполне солидные ученые в поте лица бьются над решением трудной научной проблемы, которая, как и полагается при настоящей научной деятельности, не стоит на месте, а двигается вперед... подыскиванием все новых и новых индоиранских слов. В результате, в работах десятков ученых-иранистов на разные лады повторяется одна и та же ложная мысль о том, что саки и скифы – ираноязычны. Видимо, при этом учитывалась истина, высказанная еще античным автором Гаем Юлием Солином: «...когда вполне честные и достаточно достоверные авторы сообщают одинаковые сведения, никто не должен бояться лжи» (С, II, 2, стр. 279). Немецкие ученые так и поступили: путем бесконечного повторения лжи им удалось выдать ее за правду.

С целью разрекламировать ложное мнение об иранизме саков-скифов был создан специальный фон, состоявший из трудов отдельных ученых, которые выступали против иранства саков-скифов, доказывая их славян-

ское, кельтское, тюркское и т.п. происхождение. Подобно иранистам, эти ученые также пользовались лженаучной этимологией, потому ни их объяснения, ни выводы не могли быть научными. Кроме того, эти ученые, отрицающие на словах иранизм скифов, не имели возможности подбирать для ... сравнения со скифскими именами сходно звучащих слов в таком большом количестве, какое было в распоряжении у иранистов, поэтому труды этих не-иранистов [...] должны были, естественно, выглядеть более жалкими и слабыми, чем труды иранистов, которые имели возможность манипулировать богатым набором из огромного фонда научно разработанной лексики древних, средних и современных индоиранских языков, обращаться, когда нужно, и к лексическому фонду большой семьи индоевропейских языков.

[...] В свое время это заметил отчасти и В.В. Григорьев, который отстаивал славянство скифов, но вовсе не был в восторге от работы своего единомышленника – немецкого ученого Бергмана, также ратовавшего за их славянство. Так, например, он предложил для имени массагетской царицы Томирис объяснение со значением «Дочь океана», а Григорьев совершенно верно и не без ехидства подметил: «откуда это массагеты могли прознать об океане?!» (26, 182). Не согласившись ни с одним из толкований Бергмана – настолько они были неверными даже для Григорьева, – он с явной иронией заключил: «Бергман из Страсбурга слишком уже смелый славянофил!» (26, 59).

Еще слабее были аргументированы труды, «доказывающие» кельтское, фракийское, тюркское и т.п. происхождение скифов. На эти труды ссылались только для того, чтобы заявить, что неиранскими языками скифский языковой материал нельзя

объяснить, что он связан якобы только с иранскими элементами (ОЯФ, 147,148), что «из всех теорий только иранская обставлена солидной аргументацией» (49, 20). Словом, труды немецких ученых, отрицающих на словах мнение об иранизме скифов, фактически помогали укрепиться этому мнению, так как служили для него фоном, на котором выгодно выделялась так называемая «солидная» лженаучная аргументация иранистов.

Видимость солидной аргументации создавалась тем, что к сравнению со скифскими именами (из II гр.) привлекался длинный перечень сходно звучащих индоиранских слов, осложненный большим количеством вероятных и невероятных формальных конструкций, устанавливающих якобы «закономерные фонетические соответствия» между скифскими именами и индоиранскими словами.

При этом учитывалось, что такой длинный перечень: а) придает ложному объяснению правдоподобность, наукообразность, ибо сам по себе этот перечень – логически вполне правильный; он мог бы послужить научным доказательством, если бы привлекался к сравнению с иранским словом, значение которого известно. Иначе говоря, сам перечень не ошибочен, а ошибочно его привлечение к объяснению скифского имени, значение которого неизвестно, то есть ложно само исходное положение; б) длинный перечень отвлекает внимание читателя именно от ложного исходного положения, при котором само сравнение неправомерно и логически ошибочно, ибо исходит из предвзятого, ничем еще не доказанного мнения об иранском происхождении скифского имени, тогда так его происхождение достоверно вообще нельзя установить по той причине, что значение его неизвестно.

Расчет немецких ученых в данном случае на то, чтобы отвлечь внимание

читателя – то же делается в известной «математической задачке», которую любят задавать школьники какому-нибудь новичку – несмышленому, чтобы посмеяться над ним: «Стоит береза. На ней 9 сучьев, на каждом суку по 9 ветвей, на каждой ветви по 9 веток, на каждой ветке по 9 яблок. Сколько всего яблок?». И незадачливый школьник, внимание которого отвлечено длинным перечнем цифр, начинает считать на посмешище другим количество ветвей и яблок, вместо того, чтобы сказать: на березе яблоки не растут!

Складывается такое впечатление, что, подобно несообразительному мальчику, весь ученый мир (за исключением единиц), введенный в заблуждение немецкими учеными-иранистами, в течение двух с лишним веков не может отрезать: «Не морочьте голову! На березе яблоки не растут». Не может ли? Вот вопрос, на который нельзя ответить однозначно и в категорической форме. Во всяком случае, ученый мир не такой уже наивный, чтобы по несообразительности оказаться в положении глупого мальчишки, считающего яблоки на березе. Но все же именно в его положении он находится, по крайней мере, у нас в СССР, и вот почему: сложилось ненормальное положение, при котором лженаучная теория об иранизме скифов [...] признана у нас единственно верной теорией. Получив признание, она в дальнейшем приобрела силу общепринятого мнения. Что оно, это «общепринятое мнение» означает, комментариив не требуется, выступать против него не совсем безопасно. Вот почему, надо полагать, многие ученые, хотя и прекрасно понимают, что «яблоки на березе не растут», но заявить об этом не могут (такова сила «общепринятого мнения», пусть оно будет трижды неверным), а более «недогадливые» ученые заняты тем, что в течение многих лет с серь-

езным видом подсчитывают количество яблок на скифской березе только потому, что такое занятие, хотя и не научно, но весьма выгодно в житейском плане [...].

Длинный перечень индоиранских примеров, осложненный формальными конструкциями, всевозможными объяснениями исторического, этнографического, мифологического и т.п. порядка, вполне логически построенный, занимающий иногда несколько страниц, хотя и не имеет буквально никакого отношения к скифскому имени, с которым этот перечень неправомерно сравнивается, но давит своей массой на читателя и тем самым способен вызывать у него сомнения: «может быть, в самом деле..., сколько примеров! Неужели ни один из них не совпадает по значению со сходно звучащим скифским именем?».

Ставка делается именно на такое сомнение. Если вызвать его удалось, то отсутствие научности в объяснениях восполняется ничем не оправданным упорством и напористостью, при помощи которых читателю навязывается ложная мысль об иранстве скифов «вопреки всем стихиям», чем и был сильно возмущен в свое время акад. И.Я. Марр.

В каждом конкретном случае это упорство меняет оттенки от грубой назойливости до вежливого упрямства читателя [...]. Например, Вс. Миллер объяснил 110 скифских собственных имен, приписав им значение индоиранских слов, привлеченных для сравнения, и в итоге писал: «...мы далеки от мысли, что все предложенные нами этимологии убедительны. Вероятно, во многих случаях наши объяснения ошибочны... Следует также допустить, что некоторые имена могут представлять лишь случайное звуковое сходство с иранскими словами, не будучи в действительности иранского происхождения. Но

даже допуская в значительной степени возможность ошибок, нельзя, как нам кажется, сомневаться в том, что по крайней мере половина разобранных имен носит все признаки иранского происхождения»² (38, 264).

Нетрудно заметить, что в приведенном отрывке Вс. Миллер с назойливостью и упорством цыганки-гадалки навязывает читателю ложную мысль, чуть ли не умоляет его, чтобы он поверил [...]. Во имя этого Вс. Миллер авансом признает ошибочными свои объяснения ровно наполовину. [...]

Словом, признание частичной ошибочности своих объяснений (вообще, не конкретно) Вс. Миллер использовал как особый прием, создающий ложное впечатление о «скромности» его автора [...].

Возможность такого завидного упорства возникла из метода, впервые предложенного берлинским академиком К. Мюлленгофом, который раньше других иранистов, еще в 60 гг. XIX в., понял, что скифские имена, представляющие из себя набор сочетаний ничего не значащих для нас звуков, можно легко подогнать под фонетические законы любых языков. Учитывая это, он пытался, исходя из фонетических законов иранских языков, сочинять конструкции, выдавая их за скифские слова, за что академ. Н.Я. Марр назвал Мюлленгофа сочинителем никогда не существовавших скифских слов (37, 195). Характеризуя этот метод Мюлленгофа как ненаучный, Юргевич писал: «Мюлленгоф... берет любые имена и называет их скифскими» (55, 20).

Зато придуманный Мюлленгофом метод объяснения скифских слов подхватили и продолжали применять в своих работах почти все иранисты, в том числе Фасмер и Вс. Миллер. Последний нашел лженаучный метод «безукоризненным» (38, 235).

Свое логическое завершение метод Мюлленгофа получил в работах В.И. Абаева, который, применяя этот метод, сочинил путем реконструкции из иранских языков уже целый «Словарь скифских слов», «морфологию» и «фонетику», которые и приписал задним числом скифскому языку (1, 151–24).

Скифский языковой материал вполне достаточен для того, чтобы доказать с его помощью неиранское происхождение этого языка. Однако для восстановления скифской грамматики материала скифского языка абсолютно недостаточно, ибо из этого языка дошли до нас только отдельные слова, грамматически не созданные, искаженные иногда в греческой передаче, следовательно, звуковой строй скифского языка может быть достоверно восстановлен не полностью, о качестве некоторых звуков можно [судить] лишь предположительно.

Связных текстов на наречиях скифского языка до нас вообще не дошло, поэтому более или менее достоверно может быть выделено всего несколько суффиксов из состава слов, относящихся к I гр., но о восстановлении скифской морфологии при отсутствии связанного текста вообще не может быть и речи.

Пользуясь тем, что скифские формы для нас не известны, В.И. Абаев писал: «...мы нашли наиболее целесообразным выставить в качестве исходных нормализованные древнеиранские формы... иными словами, мы выставляем формы, которые, как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли» (1, 150–151).

Яснее, кажется, не может быть: скифские формы до нас не дошли. Их нет. И на этом, только на этом «основании» Абаев решил заполнить этот скифский «вакуум» конструкциями из древнеиранских языков, явно субъек-

тивно считая это «целесообразным», то есть так угодно было это иранисту, а не потому, что соответствует действительности [...].

Сочинив почти учебник скифского языка с соответствующими разделами «словарь», «фонетика» и «морфология», В.И. Абаев справедливо решил, что ему не поверят, и применил безотказную в практике иранистов-скифологов тактику отступления для того, чтобы наступать. Оказывается, свои объяснения, данные скифским именам, Абаев не признает окончательными и считает, что главы его труда (или учебника «скифский язык» с соответствующими разделами) «мало претендуют на название «скифской грамматики», как лексический перечень на название «скифского словаря» (1, 202).

В этих «скромных» словах нетрудно угадать уже знакомый читателю вариант того же трафарета, по которому К. Мюлленгоф и Вс. Миллер «признавали» правильными соответственно только четверть и половину своих объяснений скифских имен с целью навязать читателю ложную мысль о верности всех своих объяснений. Вместо этих неконкретных числительных В.И. Абаев употребил еще менее конкретное слово «мало». Следовательно, оно нуждается в объяснении и конкретизации.

Выражение «мало претендуют» [...] означает ... именно «претендуют», но на какую то «малую» часть изложенного материала, а большую часть его, поставив под сомнение, сам автор как будто бы не осмеливается считать достоверно скифской.

При таком положении возникает необходимость конкретизации материала путем выделения из конструкций пусть «малого», но достоверно скифского, от «большого», но сомнительного. Однако этого Абаев не мог бы сделать, если бы и захотел, не

потому, что при этом возник бы каверзный вопрос: «зачем нужно было тратить время и энергию на изложение большей части материала, если ее принадлежность к скифскому сомнительна?». Нет; дело заключается в том, что сконструированный Абаевым материал «скифского» языка делить на достоверный и сомнительный нельзя. Он сплошь однороден, и в нем нет ни единого скифского слова, а потому он весь, полностью, не относится к скифскому языку. Суть фокуса с манипуляцией безразмерным словом «мало» как раз заключается в том, чтобы затушевать данный вопрос: лишь бы читатель поверил в наличие в сконструированном материале пусть даже «малого», но неопределенного количества «достоверно скифских» слов, растворенных, однако, в массе «большого» (тоже неопределенного) количества сомнительных конструкций. Расчет при этом такой же, как у Мюлленгофа и Вс. Миллера: поверивший «малому» вынужден будет (пусть с некоторыми колебаниями и сомнениями) признать «скифским» весь ... материал, ибо он однороден и неделим.

[...]

Спекуляция на авторитете и «мировых именах» западных ученых также является одним из приемов, при помощи которого поддерживается теория об иранизме скифов. А недостатка в авторитетах среди западных ученых, привлеченных к защите этой теории, не было, хотя эти ученые не составляли однородной массы по своим убеждениям и взглядам.

[...]

Получается заколдованный круг, в котором «мировые имена» разных специальностей ловко, как в сеансе иллюзионистов, перебрасываются ссылками друг на друга, и, если следовать только за полетом этих ссылок, трудно разобраться не только обык-

новенному читателю, но даже специалисту в том, что в этом процессе перекрестных ссылок много (хоть отбавляй) «мировых имен», ссылающихся друг на друга, создается иллюзия о наличии большого количества фактов и источников, тогда как все авторы, ссылаясь друг на друга, фактически ссылаются на единственный и порочный источник – на лженаучные толкования иранистами скифских собственных имен. Никакого другого источника доказательств ни у энциклопедистов, ни у иранистов-языковедов абсолютно не существуют. Один только пример: В.И. Абаев, «обиженный» тем, что кое-кто не хочет разделять его ошибочных взглядов на скифо-сармато-аланскую проблему, начал, за отсутствием научных аргументов, «бомбардировать» своих противников увесистыми томами британской энциклопедии, словаря Брокгауза-Ефрона и других солидного издания энциклопедий, где черным по белому написано, что скифы, сарматы и аланы – иранцы, а осетины их потомки. [...] Из западных энциклопедий эта бредовая идея перекочевала в БСЭ и МСЭ, на которые ссылается В.И. Абаев, а в них, наоборот, содержится ссылка на Абаева, чем и завершается эта довольно забавная переброска ссылками.

Словом, ссылки на «авторитеты» и «мировые имена» – это суррогат, которым заменяется отсутствие научных аргументов [...].

[...] Стронниками этой теории оказались и некоторые русские ученые, среди которых в XIX веке особо выделялись В.В. Григорьев, М.С. Грушевский [...].

Существует юридическое понятие – ошибочно или умышленно направлять следствие по ложному следу. [...] недостаточно аргументированная или даже совсем необоснованная, но высказанная в солидном издании каким-

либо авторитетом в категорической форме мысль становится со временем «непререкаемой истиной», а потому способна ввести в заблуждение, особенно молодых специалистов, направить их действия в поисках истины по звучанию скифского языкового материала по ложному пути.

Так называемая «теория» иранства скифов сама по себе является наибольшей ложной ориентацией [...]. Так например, В.И. Абаев заявил в категорической форме о том, что скифский язык объясним якобы только из иранских языков (1, 148), сам, по-видимому, сомневался в убедительности такого заявления и, надо полагать, именно по этой причине решил подкрепить его более действенным «аргументом» – требованием положить «конец спекуляциям на скифском материале» (1, 148). Такое требование звучало угрозой применения санкции за попытку объяснить скифский язык из неиранских языков. Учитывая, что в условиях культа личности такая печатная угроза была бы не бумажной, а вполне реальной, следует признать, что для защиты агрессивной теории было избрано полностью соответствующее ей верное средство, самое «убедительное» из всех «доказательств» в пользу иранства скифов.

[...] Много ложных ориентировок наблюдается в скифологии по частным вопросам, при объяснении отдельных слов, в особенности, если правильное их освещение может послужить фактом в пользу неиранского происхождения скифов. Так, например, путем весьма сбивчивого, неубедительного объяснения звуков скифского языка через семитскую фонетику, т.е. без достаточной аргументации, В.И. Дьяконовым отрицается генетическая связь между этнонимами скутес, сака, ишкуза, сколот (31, 243, 244), несмотря на то, что ученые даже противоположных взглядов

(Н.Я. Марр, В.С. Миллер, В.И. Абаев) единодушно признают в них фонетические варианты одного и того же корня, которыми обозначались разные, но близкородственные племена сако-скифов.

Эти ученые стояли на верном пути, хотя не смогли правильно объяснить ни происхождения, ни этимологии этих терминов, потому что объясняли их не из тех языков, но зерно истины в мнении этих ученых заключается в признании этих терминов как вариантов одного и того же корня.

Развивая эту верную мысль анализом указанных терминов из материала неиранских языков, удалось доказать [...] не только то, что все эти термины произошли от корня «сака», но и то, что последний (сака), в качестве этнонима, еще имеет более десяти других фонетических вариантов (в действительности их было больше), которыми обозначались ответвления (роды, племена) сако-скифов, а в качестве нарицательного имени то же самое слово «сака» (с вариантами) послужило основой для образования новых слов – сотен фонетико-семантических его вариантов, относящихся к разным областям человеческой деятельности (производственной, духовной, культурной и т.д.).

В данном случае речь идет о том, что И.М. Дьяконов не просто излагает и доказывает свое мнение, а в категорической форме и без достаточного основания призывает «самым решительным образом отказаться от попыток сопоставить» скифские этнонимы друг с другом (31, 244). Такой призыв выходит за рамки научных доказательств, а политически он вовсе не мотивирован, чтобы можно было его считать оправданным, если не в научном, то в политическом аспекте. И по этой причине этот призыв следует отнести к разряду неверных ориентиров, способных сбить неискушенных

от верного пути объяснения фактов скифского языка.

Правда, И.М. Дьяконов, дав неверную ориентацию, сам благообразно отказался от этимологизации этнонима «ишкуза» из иранских языков, оставив это псевдонаучное занятие на совесть других иранистов. Однако нельзя не обратить внимания на придуманный Дьяконовым весьма странный метод, при котором, если скифский термин не объясняется из фонетических законов иранских языков, но его следует объяснить из семитских с тем, чтобы объявить его... иранским словом. При этом делается упрек в адрес Абаева, что он, «такой тонкий знаток иранских языков», не додумался до таких простых вещей. Разумеется, этот неосновательный упрек должен быть отклонен, ибо В.И. Абаев гораздо более близок к разгадке этнонима «скутес», чем Дьяконов, который своей неверной ориентацией лишь запутал, затемнил в общем довольно явный вопрос с вариантами сако-скифских этнонимов.

Умалчивание иранистами возможности объяснения фактов скифского языка из других, неиранских языков может быть также рассмотрено как один из ненаучных приемов, направленных на защиту лженаучной теории иранизма скифов. Так, например, еще Юргевич отметил, что иранисты старательно обходят молчанием тот факт, что скифские имена из урало-алтайских языков объясняются гораздо лучше и в большем количестве, чем из индоиранских языков, и продемонстрировал это на большом количестве примеров (55, 33–38).

[...]

Н.Я. Марр был крупным ученым, творческой, ищущей натурой в науке. Именно этим обстоятельством объясняются его бесспорные ошибки, которые нужно и можно было разъяснить более спокойным тоном, путем орга-

низации деловой, объективной критики, учитывающей также бесспорные и большие заслуги Н.Я. Марра перед советским языкознанием. Дискуссия страдала отсутствием именно такой объективной критики, однобоко и в преувеличенном виде заслонив собой и его заслуги перед наукой. [...].

Между тем, Н.Я. Марр составляет целую эпоху в развитии советского языкознания. Выбросить из него Марра означало бы порвать цепь исторического развития этой науки путем искусственного удаления из нее важного звена, что должно привести к бессмысленному отрицанию бесспорной преемственной связи между предыдущим и последующим в советском языкознании, к отрицанию его истории как таковой. Вот почему без преувеличения можно сказать, что без Н.Я. Марра нет истории советского языкознания, независимо от того, какое «грехопадение» совершал он в своих неутомимых научных поисках.

[...]

Предлагая свой ошибочный метод 4-х элементного анализа в основном для установления «яфетического» состояния языков, для «палеонтологического» их анализа, Н.Я. Марр вовсе не собирался подменить им сравнительный метод, а предполагал, что они будут дополнять друг друга, о чем можно судить по его неудачным попыткам применять их в сочетании. Таким образом, Н.Я. Марр сравнительного метода не только не отрицал, но весьма часто пользовался этим методом, даже конструировал с его помощью предполагаемые платформы. В этом легко убедиться, открыв почти любую работу ак. Марра, в частности, «Термин скиф», «По поводу русского слова «сало»», «Термины абхазо-русских связей», «Сухум и Туапсе», «Скифский язык», «Чуваши-яфетиды на Волге», и др., помещенные в

V томе избранных работ Н.Я. Марра (М.-Л., 1935).

Правда, Н.Я. Марр критиковал недостатки этого метода, считал его чисто формальным («идеалистическим») и несовершенным, не всегда доверял его данным – конструкциям и реконструкциям, и вряд ли в этом ошибался, но уже совершенно был прав, когда выступал против неправомерного применения этого метода иранистами в целях лженаучного объяснения скифских имен. И этот совершенно верный протест Марра был во время дискуссии ложно истолкован как отрицание Марром сравнительного метода вообще.

[...]

* * *

Экстренное превращение осетин из арийцев-иранцев в народ немецкого происхождения именно в канун I империалистической войны вполне объяснимо: немцы рассчитывали на скорый и близкий захват территории, принадлежащей некогда скифам, и объявить ее «исконно немецкой» на правах родства с осетинами, которым отводилась роль связующего звена между скифами и немцами. [...]

Немцы проиграли войну; и теория об иранизме скифов, об арийском (читай: немецком!) происхождении осетин, благодаря Н.Я. Марру, временно заглохла с тем, чтобы через 20 лет, в 1949 году, зазвучать еще более громко, чем прежде. Гадание [...] началось на этот раз вокруг этнонима «алан», который, видимо, распространялся и на предков осетин в период их пребывания в аланском союзе племен, но слово алан не было самоназванием осетин, а потому не могло вытеснить прежнее их название – «осетин»; наоборот, термин алан после распада этого постепенно сам отпал от осетин как чужеродное тело; лишь некоторые соседи да средневековые историки,

знакомые с историческими источниками, по-прежнему употребляли этот термин для обозначения предков осетин. Характерно, что осетины называют аланами некоторых своих соседей. Да и самоназвание «осетин», не получающее удовлетворительного объяснения на материале осетинского языка, по всей вероятности, тоже иноязычного происхождения. [...]

На научной конференции по этногенезу осетин раздавались трезвые голоса о том, что «вопрос о языке скифов, сарматов и алан... окончательно не выяснен» (ПОН, 209). В связи с этим особого внимания заслуживает доклад, который был прочитан на конференции К.Т. Лайпановым и в котором он, ссылаясь, с одной стороны, на римского историка IV века Аммиана Марцеллини, утверждавшего, что аланы получили свое название от гор (SC, т. II, вып. 2, стр. 339), с другой – на проф. Г.А. Кокиева, работавшего над китайскими летописями об аланах, вполне обоснованно доложил следующее: «Исторические предания Передней Азии свидетельствуют, что название было дано им татарами, на языке которых термин «алан» означал «горец». Таким образом, прародиной термина «алан», по-видимому, является район Алтайских гор» (ПОН, 208). Лучшим подтверждением этого сообщения является сохранение до наших дней корня «Ала» – в названиях некоторых горных вершин не только на Алтае, но и в Средней Азии в таких названиях, как Ала-тау и Ала-й-ские горы. Конечный «н» в этнониме ала-н объясняется как показатель множественного числа в урало-алтайских языках. Следовательно, «алан» буквально значит «обитатели гор Ала» (мы бы сейчас сказали Ала-тауцы или Алайцы). Большой аланский союз разнородных племен, в числе которых, надо полагать, находились и предки осетин (которые могли, по всей вероятнос-

ти, вступить в этот союз позже, когда аланы очутились на Северном Кавказе), сложился, таким образом, на Алтае, где-то в районе гор, называемых Ала; связь этого слова с нынешними географическими терминами Ала-тау и Алай вряд ли подлежит сомнению³. Словом, все сходится и полностью согласуется с сообщениями античных авторов (китайских и римских) о значении и происхождении термина «алан». [...]

Дело в том, что при заимствовании этого термина, чуждого иранским языкам, осетины исказили его форме «аллон». И эту искаженную в произношении осетин форму спорного происхождения⁴ стало возможно втиснуть в рамки фонетических законов осетинского языка и объявить «аллон» фонетическим вариантом слова «арйана» (арийцы). [...]

В связи с этим толкованием этнонима «алан» невольно вспоминаются слова ак. И.Я. Марра по поводу термина Урарту, который в толкованиях ученых Запада может читаться якобы и как Урасту. Далее это слово признается ими искаженной формой слова Араст, которым арийцы-переселенцы назвали якобы «свое новое отечество», именуя его в полной форме, как «арья-ста», что, оказывается, значит «стоянка арийцев», с чем и связывается в итоге название реки Аракс. Далее, иронизируя по поводу этого ненаучного объяснения, Н.Я. Марр пишет: «Вообще говоря, Аракс для арийцев имя родное... все это совершенно соответствует индоевропейскому настроению господствующего мировоззрения, исходящего всегда и во всем от ариевропейских основ и тянувшего все плохо лежащее к тому же источнику» (36,2). Аналогичная процедура проделана Абаевым и при толковании термина «алан».

Между тем, советский антрополог В.И. Алексеев вполне убедительно

доказал, что осетины вовсе не арийцы, а настоящие кавказионы, и предки осетин своей «кавказский язык потеряли сравнительно недавно» (6, 187). Следовательно, тот иранский язык, на котором говорят осетины, не исконный, а по антропологическим данным осетины вовсе не арийцы. Безусловно, в осетинском языке имеются и элементы скифского языка, но они не связаны с иранской частью осетинского языка, а составляют в нем особый пласт заимствований. В связи с этим нельзя не возразить против мнения иранистов, изображающих «осетинский язык как непосредственный продолжитель скифского языка» (ОЯФ, 150). Дело в том, что, по справедливому мнению А.П. Смирнова, «скифы не оставили прямых потомков» (48, 84), и в настоящее время не существует непосредственных продолжателей скифов и их языка, который исчез вместе с его носителями, но исчез не бесследно. После разложения скифского общества сако-скифы (а позже также их ближайшие родственники – сарматы) отдельными частями входили в состав других племенных образований, которые легли в основу формирования многих народов, населяющих ныне территорию Советского Союза. В частности, о наличии скифов и сарматов в этногенезе русского народа говорили в свое время еще Татищев и Ломоносов. Сливаясь с другими племенами и народами (славянскими, тюрко-монгольскими, финно-угорскими, кавказскими и другими), сако-скифы оставили в их языках большое количество элементов своего языка, установление которых позволяет по-новому осветить проблему скифского языка. (Так, напр., русское слово «лошадь» считается заимствованием из древне-чувашского языка, тогда как оно не тюркское, а скифское слово, отложившееся в русском из языка скифов гораздо раньше, чем варианты

слова «лошадь» в других языках, в том числе и в древне-чувашском).

Таким образом, из исторических и лингвистических данных вытекает:

Наследниками сако-скифского языка являются славянские, тюрко-монгольские, финно-угорские, кавказские народы, в которых растворились, смешавшись, сако-скифские племена. Язык последних для предков упомянутых народов играл роль субстрата, следовательно, принимал в той или иной степени участие в сложении и формировании их языков. Язык же осетин – чистых кавказионов – испытывал сильное влияние скифского языка, что подпадает под понятие «адстрат».

Наследниками сако-скифской территории по праву являются народы СССР, имеющие генетическую и языковую связь с саками и скифами, а не потомки ираноязычных и германоязычных арийцев, ибо предки обитающих ныне на территории Советского Союза народов в скифскую эпоху жили примерно там же, где живут их потомки в настоящее время, хотя внутри ареала, безусловно, были некоторые перемещения, связанные с усилением или ослаблением отдельных племен и народов. Прав В.И. Алексеев, который, исходя из антропологических данных, утверждает, что «человечество при всех событиях, потрясавших мир, расселено приблизительно так же, как несколько десятков тысяч лет тому назад» (6, 220).

Этнографическими и археологическими данными убедительно доказано, что сако-скифская культура в целом также унаследована не потомками арийцев (иранцами и немцами), а народами Советского Союза. Имея это в виду, А.П. Смирнов писал, что наследниками скифской культуры и территории «являемся мы» (48, 184). Наследниками скифской культуры являются в определенной степени и

осетины, но не как непосредственные потомки скифов, каковыми они не являются, а как кавкасионы, испытывавшие в прошлом сильное влияние скифской культуры.

В вопиющем противоречии с этими выводами находится лженаучная теория об иранизме скифов, вредное влияние которой сказалось не только в советском языкознании, но также в области смежных с ним наук, в первую очередь, в области историографии, археологии и антропологии.

Язык, как известно, является основным и главным из признаков, составляющих этническую принадлежность того или иного народа, поэтому при определении других его признаков представители смежных наук ориентируются обычно на данные языка. Язык же скифов был неверно и тенденциозно изображен немецкими учеными как иранский. [...]

С.И. Руденко, А.П. Смирнов, М.И. Артамонов, Б.Н.Граков, Л.Н. Гумилев и ряд других советских, а также зарубежных ученых в один голос утверждают, что сако-скифская культура вполне самобытна, а не является лишь вариантом иранской, китайской или греческой культур. Словом, как и скифский язык, скифская культура не иранская.

Стремление согласовать теорию иранства скифов с фактами истории ценою их фальсификации наблюдалось у некоторых историков, которые [...] пытались исказить сообщение Геродота и др. античных авторов. Так, например, по сообщению Геродота (IV, 113, 114) амазонки при своей первой встрече со скифами совершенно не понимали их языка, так же, как и скифы – языка амазонок. Иначе говоря, у них были разные языки, даже не родственные, ибо в скифские времена представители родственных языков без особого труда могли общаться и понимать друг друга.

Став вначале любовницами скифов, а потом и их женами, амазонки вынуждены были с некоторым искажением освоить скифский язык, который впоследствии стал языком сарматов, ибо савроматы, по Геродоту, возникли как народность от упомянутой выше связи амазонок со скифами.

По сообщению античных авторов (Диодора Сицилийского, Плиния Старшего) амазонки – по происхождению мидянки. Стало быть, до встречи со скифами у амазонок родным языком, которого не понимали скифы, был мидийский язык, а он относится, по мнению специалистов, к иранским языкам. Следовательно, из факта, что ираноязычные амазонки, когда они впервые встретились со скифами, совершенно не понимали их языка, вытекает неизбежный вывод: скифский язык не был иранским... Однако... некоторые наши ученые начали высказывать фантастические предположения, что, возможно, античные авторы ошибались и амазонки не мидийского, а меотского происхождения.

Конечно, такая версия ни на чем не основана; это настоящая фантазия, граничащая с фальсификацией. Нигде в исторических источниках вы не встретите даже намека на меотское происхождение амазонок. [...]

Физический тип сако-скифов неоднороден. [...] На Алтае в сакском типе признается большая примесь монголоидов, которая по мере удаления на запад, к Волге и Дону, постепенно уменьшается (42, 20). Научные сообщения об антропологических данных европейских саков (скифов) довольно сбивчивы, поэтому трудно и рискованно ими оперировать. В связи с этим обращает на себя внимание следующий факт, о котором мужественно сообщил В.П. Алексеев: некоторые наши антропологи под влиянием неверного, но общепринятого мнения «писали только о монголоидной при-

меси в ее составе карасукцев, преувеличивая...ее размеры «и совершенно забыли» тот очевидный факт, что основная масса карасукцев... европеоидна» (6, 350).

Скажем прямо: незавидное и весьма ненадежное поведение; странная «забывчивость» и сознательное преувеличение размеров одних расовых признаков в ущерб другим! Во имя чего? Во имя общепринятого, но неверного мнения! Такое поведение [...] заставляет невольно насторожиться. Ведь в скифоведении также господствует общепринятое, но неверное мнение об ираноязычности скифов. Поэтому [...] история могла и в данном случае повториться, т.е. антропологи могли преувеличивать [...] у скифов одни расовые признаки, умалчивая о других, как в случае с карасукцами [...].

Справедливость такого предположения поддерживается весьма полезным для развития скифоведения сообщением В.И. Алексеева о том, что материалы из причерноморских скифских курганов «позволили заметить то, что не заметно было доселе [...] – монголоидную примесь и у скифов» (6, 255).

Что же, говорить правду никогда не поздно, [...] признание наличия монголоидной примеси в составе скифов – это уже шаг вперед в сторону отрицания их ирано-арийского происхождения в антропологическом аспекте. Досадно лишь другое: сто лет копают скифские курганы и «доселе» монголоидную примесь у скифов заметить антропологии «не могли», что объясняется, надо полагать, их уступкой давлению «общепринятого мнения» об ираноязычности скифов.

[...] Этого не смог избежать даже такой крупный ученый, каким был... Михаил Артамонов, который в свое время совершенно справедливо сомневался в ираноязычности скифов (9,

74–80); однако в последнем его труде («Киммерийцы и скифы») скифы уже признаны ираноязычным народом.

[...] обладая интуицией крупного ученого, В.И. Артамонов понимал, что скифы по всем признакам не могли быть ираноязычными, но, не будучи языковедом, он сам не мог этого доказать, поэтому... обратился с призывом к советским языковедам, чтобы они серьезно занимались проблемой скифского языка, и с сожалением отметил: «можно только пожалеть, что скифский язык... выпал из поля зрения советских лингвистов» (9, 75).

Артамонов ждал более четверти века, но ни один языковед не откликнулся на его призыв. [...]

Однако существовал ряд важных причин, мешавших советским языковедам своевременно разоблачить эту [...] теорию. И среди этих причин не последнее место занимало то обстоятельство, что уже в 40 гг. скифская проблема считалась решенной в пользу иранства скифов, а в научной литературе тоном, не терпящим возражением, утверждалось, что слова скифского языка объясняются только из иранских языков (ОЯФ, 36–37, 148), в связи с чем был брошен клич положить «конец... спекуляциям на скифском материале, не имеющим ничего общего с наукой» (ОЯФ, 148), где под «спекуляциями» подразумевалась всякая попытка объяснять факты скифского языка из любых неиранских языков.

Такая, мягко говоря, ненаучная постановка вопроса имела, по крайней мере, четыре отрицательных последствия, тесно связанных между собою. Во-первых, не нашлось ни одного языковеда, желавшего попасть в число спекулянтов «скифским языковым материалом»; во-вторых, скифоведение целиком было отдано по этой причине в монопольное владение одного единственного языковеда – ираниста

В.И. Абаева, который действительно спекулировал на скифском языковом материале в течение почти 40 лет; в-третьих, в данной ситуации скифский язык не включался в исследовательский план научных учреждений иранского профиля, поэтому советские языковеды-иранисты фактически и практически были лишены возможности заниматься изучением проблемы скифского языка; и, в-четвертых, представители смежных наук (археологи, историки и др.) частью были введены в заблуждение иранистами, а частью под влиянием «общепринятого мнения» были вынуждены мириться с существующим положением вопреки своим убеждениям, о чем речь была уже выше.

[...]

В связи с этим показателен следующий факт: связанное с мифологией толкование, которое дал В.И. Абаев имени небесного кузнеца – Курдалагон из нартского эпоса, зарубежными учеными – Э. Бенвенистом и В. Мейдом – было охарактеризовано как чистейший вымысел и фантазия. Желая поддержать [...] основательно подмоченный авторитет Абаева, ученый из Бонна И.Кноблех через нашу печать («Этимология», 1972, стр. 136–137) [...] поощряет заблуждения Абаева в толковании им имени Курдалагон. Однако покровительство боннского ученого выглядит довольно бесцветным. Это и понятно – фантазировать больше Абаева он не мог, а те факты, которые Кноблех приводит из области индоевропеистики, не имеют буквально никакого отношения к осетинскому Курдалагон, ибо это имя не арийское, а является в осетинском языке заимствованием и значит вовсе не то, что ему приписывается.

[...] Конечно, настаивать на наличии слова «арйа» в данном имени [...] не осмелится даже самая необузданная фантазия, поэтому Абаев обра-

тился к якобы «более древней форме» этого имени в форме *Kurdalxwxrgon* и путем (безотказного у иранистов) произвольного разложения его на *Kurd-Alx-Wxrgon* стал утверждать, что элемент *Alx* в этом слове значит *agua* «арийский», а *Wxrgon* значит «волк». Сопоставив его с латинским именем бога огня *Volcanus*, Абаев заявляет, что оба имени восходят к одной праформе со значением «волк», что стало предметом насмешек на Западе, т.к. латинский *Volcanus* ни малейшего отношения к волку не имеет, как это утверждает Мейдом, с чем был вынужден согласиться и сам Абаев (2, 97).

Дело, однако, не только в неправомерности сближения *Wxrgon* с *Volcanus*, имеются более веские основания говорить о том, что вариант *Kurdalxwxrgon* есть результат недоразумения, а потому слова *Wxrgon* в составе Курдалагон никогда не было.

Если вариант «Курдалаваргон» не является фальсификацией, то его появление можно объяснить следующим путем: как известно, заимствования обычно искажаются на определенный манер, подчиняясь фонетическим законам языка, который заимствует, но у единичных представителей заимствующего языка иногда наблюдаются варианты искажения, отличающиеся от остальных, характерных для большинства. [...]

[...] ясно, что вариант Курдалаваргон зафиксирован в произношении одного единственного сказителя; и если он действительно так произносил, то такой случай следует рассматривать как результат вторичного, специфического для данного сказителя искажения заимствованного слова, каким и является имя Курдалагон в осетинском языке.

Слово *Wxrgon* больше никогда не зафиксировано; такого слова в осетинском языке вообще не существует;

и нет абсолютно никакого основания приписывать этому выдуманному слову значение «волк», тем более признавать это искажение за «более древний вариант» [...] имени Курдалагон. [...] для научного анализа следует брать основной вариант Курдалагон, зафиксированный у большинства сказителей, правда, тоже искаженный, но более близкий к источнику, чем вариант «Курдалаваргон».

Если разложить основной вариант на кур-да-ла-гон, то он более вероятно сопоставляется с *qurdalayan, корень которого *qur точно соответствует алтайскому, лебединскому и казахскому qur «жарить» (РП, 919,920), корню татарского диал. Kır+э – загораться, Kır+ət – разжигать (при нормативном kǝjrǝ–), башкирского кур-ыу «варить», азерб. кур-э «плавильная печь» (в узбек. «яма для зажигания огня»); корень *qur- (в qurdalayan) закономерно соответствует древнетюркскому qurur-qovur-qurur-qoyur- калить, жарить (ДТС), чувашскому кавар- «жар», «горячие угли», «пламя», «пламенный», «огненный», якутскому куйар – быть жарким, знойным, тат. куыр–, узб. ковур – жарить.

Что касается элемента *da-, то он, как словообразующий суффикс, есть в наличии в узбек. ковур-до-к, в тат. куыр-да-к, в казах. қавыр-да-қ «жаркое» (откуда русские кавардак в значении «неразбериха»); элемент *da- можно сопоставить с суффиксом -ла в таких тюркских глаголах, как кыш+ла- – зимовать, сак+ла- – охранять, йыр+ла- – петь и др.

Таким образом, -да- и -ла- являются вариантами одного и того же глаголообразующего суффикса, дублирование которого объясняется так называемым явлением плеоназма, наблюдаемого и в современных тюркских языках. Дублирование однозначных суффиксов -да-/-ла- сохранилось в таких отглагольных обра-

зованиях, как казах. күр+де+ле+н+ген «осложненный», тюрк. ок+та+л- (< *оқ+та+ла-) мчаться, как стрела; тат. ал+да+ла- (параллельно с ал+да-) обманывать.

Короче, все вышеприведенные сравнения дают основание признать в *qurdala- глагольное образование со значением «калить», «жарить»; «печь», соответствующее курдала – в осетинском курдалагон. Последний элемент -гон в нем закономерно совпадает с формой причастия прошедшего времени в тюрк. языках – гъан, следовательно, осетинское Курдалагон значит «калящий», «кузнец» и происходит из тюрк. qurdalayan в том же значении. Есть основания полагать, что в некоторых тюрко-монгольских языках в далеком прошлом (в скифское время) слово «кузнец» оформлялось при помощи суффиксов *уан и - *хан, о чем можно судить по таким примерам, как тувинское дарган «кузнец», монг. дар-хан «мастер», томрийн дар-хан «кузнец», где суффикс -хан соответствует тюркскому *уан, искаженному в осетинском в форму -гон.

Таким образом, осетинское Курдалагон не является исконно осетинским словом, а является заимствованием из какого-то не дошедшего до нас говора или диалекта, возможно, гуннского языка. Для такого предположения основанием является гуннский Куар, которого, по свидетельству армянского историка Моисея Каганкатвази, гунны почитали в качестве божества грома и молнии, т.е. того «небесного огня», которым распоряжался в нартском эпосе и осетинский небесный кузнец Курдалагон. Следовательно, по функциям гуннское божество грома и молнии Куар и осетинский Курдалагон совпадают; образованы они из закономерно соответствующих друг другу корней с одним и тем же значением: авторы книги «Татары

Среднего Поволжья и Приуралья» в достаточной степени убедительно доказали, что Куар соответствует тюркским кур-, куыр-, қавур-, кавар- со значением «калить», «жарить» (52, 358), т.е. тому же корню кур-, из которого образовано осетинское Курдалагон.

К приведенным в этой книге примерам можно лишь прибавить, что гуннское божество Куар (мог быть и вариант *Каур) почитался предками почти всех нынешних тюркских народов, о чем говорят сохранившиеся в тюркских языках слова каурчак – когурчак «кукла», «марионетка» (Р II, 52; 517), а также курчак «статуя», «кукла» (Р II, 953). На этом основании можно полагать, что гуннское божество Куар (*Каур) был представлен в свое время и в антропоморфной форме, т.е. изображался в виде куклы и статуи, которой поклонялись, как идолу, называемому *Куарчак – курчак, когурчак и т.д., [...] но образовались эти названия идола от вариантов того же корня Куар, которым обозначалась гуннское божество Куар.

Следовательно, слова курчак и его варианты были когда-то названиями изображения (идола) гуннского бога огня, а с течением времени, когда гуннский бог исчез и был забыт, название его изображения закрепилось окончательно за куклой, с которой играют дети.

[...] Как в мифологическом и языковом, так и в метрическом аспектах такое сопоставление гуннского и осетинского божеств небесного огня является более реальным, чем бесплодная попытка связывать осет. Курдалагон с латинским Волканус через выдуманное осетинское слово Варгон [...].

[...]

Выводы:

Предвзятая теория об ираноязычности сако-скифов ненаучна, осно-

вана на лженаучных этимологиях, полученных путем неправомерного сравнения незначущих (для нас) скифских собственных имен с индоиранскими словами, значение которых приписывается этим именам, что противоречит принципам сравнительно-исторического метода в языкознании.

[...]

Для правильного применения сравнительно-исторического метода при объяснении сако-скифских слов необходимо предварительно классифицировать их, разделив на значащие (I гр) и незначащие (II гр) слова.

Не могут быть признаны научными выводы, основанные лишь на объяснениях ничего для нас не значащих скифских слов (II гр). [...] они должны объясняться только из тех языков, из которых удовлетворительно объясняются значащие сако-скифские слова (I гр). И в таком случае объяснение сако-скифских слов II гр., поскольку их значения по-прежнему останутся спорными, не могут быть признаны как достоверные, бесспорные факты, имеющие силу научного доказательства, а могут быть привлечены только в качестве дополнительного материала, в какой-то степени поддерживающие выводы, полученные анализом слов I гр.

Правильными можно признать выводы, вытекающие из сравнения значащих сако-скифских слов (I гр.) с аналогиями также значащими. При условии, если абсолютное большинство сако-скифских слов (I гр.) удовлетворительно объясняются, совпадая как по значению, так и по звучанию (т.е. по закономерным фонетическим схождениям и расхождениям) с аналогиями, привлеченными для сравнения из одних и тех же родственных языков, то причисление к ним и сако-скифского языка, как генетически с ними связанного (родственного), можно считать бесспорным.

Лишь после того, когда таким путем будет установлено происхождение сако-скифского языка, только тогда можно приступить к объяснениям сако-скифских слов II гр. из тех языков, из которых удовлетворительно объяснены некоторые слова I гр. [...]

Предварительное сообщение: строго придерживаясь метода и принципов, изложенных в пунктах 3, 4, нами объяснено из урало-алтайских, в основном, из тюрко-монгольских языков, 98 значащих сако-скифских слов (I гр.), анализ которых составляет содержание следующей статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
2. *Его же.* Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. – М., 1965.
3. *Его же.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – М., 1958; Т. II. – Л., 1973.
4. *Его же.* Этногенез осетин по данным языка. – ПОН. – С. 10 и след.
5. *Айтматов Чингиз.* Повести. – Фрунзе: «Кыргызыстан», 1974.
6. *Алексеев В.П.* В поисках предков. – М., 1972.
7. *Его же.* Выступление на научной конференции по этногенезу осетин. – ПОН. – С. 323 и след.
8. *Алексеева Е.П.* Выступления на научной конференции по этногенезу осетин // ПОН. – С. 257 и след.
9. *Артамонов М.И.* Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. – 1947. – №3.
10. *Его же.* Общественный строй скифов // Вестник ЛГУ. – 1947. – №9.
11. *Его же.* К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. – 1950. – №2.
12. *Его же.* Этнография Скифии // Учен. записки ЛГУ. Серия истор. наук. – Л., 1949. – Вып. 1.
13. *Его же.* О земледелии и земледельческом празднике у скифов // Учен. записки ЛГУ. Серия истор. наук. – Л., 1947. – Вып. 15.
14. *Его же.* Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ. – 1948. – №8.
15. *Он же.* Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник. Выпуск 2 // Скифо-сарматское время. – 1961. – Изд-во гос. Эрмитаж.
16. *Он же.* Киммерийцы и скифы. – Изд-во ЛГУ, 1974.
17. *Он же.* Венеды, негры и будины в славянском этногенезе // Вестник ЛГУ. – 1946. – №2. – С.70 и след.
18. *Бернштам А.Н.* Древняя Фергана // ВДИ. – 1949. – №1.
19. *Он же.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков.
20. *Он же.* Саки Памира // ВДИ. – 1956. – №1.
21. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. – М., 1958.
22. *Гагкаев К.Е.* К проблеме субстрата // ПОН., стр.195 и сл.
23. *Геродот.* История в девяти книгах. Т.1 (издание 2-е, исправленное, в переводе Ф.Г.Мищенко). – М., 1888; Т.II (издание 1-е). – М., 1886.
24. *Гинзбург В.В.* Антропологическая характеристика саков Южного Памира // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80.
25. *Граков Б.Н.* Скифы. – М., 1971.
26. *Григорьев В.В.* О скифском народе – саках. – СПб., 1871.
27. *Гумилев Л.Н.* Хунну. – М., 1960.
28. *Он же.* Хунны в Китае. – М., 1974.
29. *Он же.* Открытие Хазарии. – М., 1966.
30. *Он же.* Древние тюрки. – М., 1967.
31. *Дьяконов И.М.* История Мидии. – М.-Л., 1956.
32. *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. – М., 1971.

33. *Кноблех И.* Kurd-Ale-gon Volcanus / Этимология 1972. – М., 1974.
34. *Лайпанов К.Т.* О тюркском элементе в этногенезе осетин // ПОН, стр. 207 и сл.
36. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история... / Собрание сочинений под редакцией ак. Сухомлинова. 1891 – 1902. – Т.V.
36. *Март Н.Я.* Термин скиф // Избранные работы. Т. V. – М.-Л., 1935.
37. Он же. Скифский язык // Избранные работы. – Т. V. – М.-Л., 1935.
38. *Миддер Вс.* Этнографические следы иранства на юге России // ЖМНП. – 1886, октябрь.
39. Общее языкознание (автор – коллектив). – М., 1973
40. *Потапов Д.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. –Л.,1959.
41. *Реформаторский А.А.* Введение в языкознание. – М., 1955.
42. *Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. – М.-Л.,1952.
43. Он же. Башкиры. – М.-Л.,1955.
44. Он же. Сокровища пазырыкских курганов// По следам древних культур. – М. – 1951 г. стр. 115 и сл.
45. *Семенов-Зусер С.А.* Скифская проблема в отечественной науке (1692–1847). – Харьков, 1947.
46. *Серебренников Б.А.* Проблемы сравнительно-исторического метода и происхождение семей // Доклады и сообщения, прочитанные на научной конференции по языкознанию в июне 1951 г. – Изд-во Моск. ун-та, 1952 г.
47. Он же. Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.,1974.
48. *Смирнов А.П.* Скифы. – М., 1966.
49. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. – М., 1964.
50. *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. – М.,1951.
51. *Страбон.* География в 17 книгах. (Перевод Г.А. Стратоновского). – М.-Л., 1964.
52. Татары Среднего Поволжья и Приуралья (автор. коллектив). – М.,1967.
53. *Татищев В.Н.* История Российская. Т.1. – М., 1962.
54. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – Госполитиздат. – М., 1952.
55. *Юргевич Г.* Об именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и др. греческих городов Северного побережья Понта Евксинского. – Записки Одесского об-ва истории и древности. – 1872. – Т.8.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот же лженаучный метод применяется у иранистов.

² Вс. Миллер отличается от других иранистов-скифологов гибкостью, «обтекаемостью» и показной объективностью в суждениях. Излюбленный его прием – это подробно излагать доводы, говорящие против иранства скифов, чем и достигалась видимость «объективности». Фактически этот прием был рассчитан на лишение эффективности этих доводов, если бы противник выдумал ими пользоваться, так как получалось, что о них уже говорили сами иранисты. Эти доводы против иранства скифов в интерпретации Вс. Миллера до предела смягчались [...] и окончательно заслонялись его «вежливым» упорством и настойчивостью в навязывании своего ложного мнения, что заметно и в приведенном отрывке. Словом, Вс. Миллер заранее хотел обезоружить возможного противника.

³ Терминам «алан» и «арий» посвящена специальная статья, поэтому здесь их этимология не дается.

⁴ При этом слово «аллон» сохранилось только в сказках в составе слова аллон-беллон, поэтому соответствовало ли оно термину «алан» или нет – тоже спорно.

Сокращения

ВДИ – Вестник древней истории

ОЯФ – Осетинский язык и фольклор

ПОН – Происхождение осетинского народа

Аннотация

Статья Джавада Алмаза «О языке сако-скифов» является первой специальной работой, посвященной исследованию языка древних скифских племен. Эта тема имеет международное научное и историческое значение. Она является серьезным научно-филологическим ответом против искажения истории древних скифов. Автор статьи анализирует точку зрения европейских ученых, пытающихся связать этническую историю западных народов со скифами, которые, как известно, имеют сходные черты с тюркскими народами в культуре и укладе жизни.

Ключевые слова: Джавад Алмаз, скифский язык, скифские имена, лжеэтимология.

Summary

The article of Dzhavad Almaz «About Language of Sakas and Scythians» is the first special work devoted to the study of ancient Scythian tribes' language. This theme has an international scientific and historical significance. It is a major scientific and philological response against the distortion of the history of the ancient Scythians. The author analyzes the views of European scientists who are trying to relate the ethnic history of the Western peoples with the Scythians, who are known to have similar features in the culture and way of life with the Turkic peoples.

Key words: Jawad Almaz, Scythian language, Scythian names, false etymology.